

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р58

Оформление серии *С. Груздева*

Рой, Олег.
Р58 **Маленькие люди / Олег Рой.** — Москва : Эксмо, 2019. —
480 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-04-101512-1

Профессор Фокс Райан, лауреат Нобелевской премии, обладал совершенно обычным среднестатистическим ростом. Однако в результате научного эксперимента произошло невероятное — ученый стал лилипутом. Вскоре жизненный путь привел его в Хоулленд — государство маленьких людей, лепреконов. Здесь Фокс Райн убедился, что в мире маленьких людей бывают большие страсти и огромная, всепоглощающая любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101512-1

© Резепкин О., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Эту книгу я написал три года назад и отложил в стол, потому что не был уверен в ее актуальности. Время от времени у меня появлялось желание ее опубликовать, но что-то удерживало. И сейчас я почувствовал, что время пришло.

То, что три года назад казалось мне фантастикой, в наши дни всерьез обсуждается в научных кругах, и, может быть, мы когда-нибудь увидим мир «маленьких людей». Но это даже не главное, а главное то, что у маленьких людей проблемы в точности такие же, как у больших. Это наши с вами проблемы и радости, ведь все мы люди и, как говорит главный герой книги, «в анатомическом плане человечество не делится на какие-то группы: хоть три фута ты ростом, хоть семь, хоть черный, хоть белый, ты можешь быть гением или бездарем, лентяем или трудоголиком, альтруистом или эгоистом». Мы все одинаковые, но каждый из нас не похож на другого. И это прекрасно.

■ ЧАСТЬ I

ТАЙНА ЛЕПРЕКОНОВ

Глава 1

Человек эпохи Возрождения

Доброе утро, последний герой!..

Старый «Астон-Мартин» радикально черного цвета среди «Вольво», «Мерседесов» и маленьких новомодных электрокаров на стоянке такси у аэропорта привлекал внимание, как гроб на детской площадке. К нему-то я и направился.

Похожий на Бобби Сэндса, ирландского революционера, умершего от голодовки, рыжеватый таксист дремал за рулем, держа в руках свежий номер «Ириш таймс». За задним стеклом виднелось еще несколько газет, вероятно, уже прочитанных. Я подумал: интересно, а написано ли в этой газете про меня? С некоторых пор я стал персонажем газетной хроники. Если написано, то таксист меня может и узнать, со всеми вытекающими отсюда разговорами и всем прочим...

Но до вокзала все равно надо было как-то добираться. Можно, конечно, арендовать машину, но я решил повременить с подобными расходами. Поэтому решительно подергал ручку двери и привстал на цыпочки — чтобы быть заметнее. Когда твой рост едва превышает четыре фута, из машины тебя могут и не разглядеть.

Таксист моментально очнулся, уставился на меня ясно-голубыми глазами и недоуменно спросил:

— Сэр? Чем могу служить?

Похоже, он меня не узнал. Вот и славно.

— Тем же, чем и всем остальным, — улыбнулся я, открывая дверь. — Мне нужно добраться до железнодорожного вокзала.

— А деньги у вас такие же маленькие? — спросил он, когда увидел меня во весь рост, с ног до головы. Я сначала несколько растерялся. Все-таки я еще не привык к своему новому состоянию. Причем шутят по этому поводу впервые: обычно толерантно помалкивают и фальшиво отводят глаза. Стараются не смотреть. А ведь все равно смотрят — поверх смартфонов, прикрываясь планшетами, книгами, а дети, так те просто пялятся во все глаза, потому что еще не знают, что такое толерантность и с чем ее едят.

— Деньги — одна из тех вещей, которые у меня нормально-го размера, — ответил я без тени улыбки. Но если я правильно оценил этого парня...

— А что еще? — разумеется, тут же спросил он. Я ему ответил. Это была, пожалуй, довольно пошлая и грубоватая шутка, но мой рыжеватый водитель тотчас же разразился честным ирландским хохотом.

— Свой человек, — сказал он, утерев рукавом глаза. — Добро пожаловать в старую добрую Ирландию.

Я расположился на переднем сиденье, и машина двинулась с места.

— Небось в Хоулленд едете? — спросил он, лихо выезжая со стоянки. Я с удивлением уставился на него — откуда он узнал о моих намереньях? Но согласно кивнул:

— А как вы догадались?

— Что я, лепреконов, что ли, не видел? — ответил он загадочно. И тут же поинтересовался: — А откуда прибыли, если не секрет?

— Из Лондона, будь он неладен, — ответил я, заработав еще один одобрителный взгляд. — Фокс Райан, к вашим услугам.

Он глянул на меня с неожиданным удивлением и сказал после паузы:

— То-то я и гляжу, что вы недостаточно рыжий для лепрекона. Решили посетить достопримечательность, хм... подходящую по размерам?

Я не понял ровным счетом ничего, кроме того, что беззлбное подтрунивание шофера нравится мне куда больше, чем холодная толерантность и деланое безразличие всех остальных. Я более чем уверен, что идея толерантности появилась у людей вполне полноценных как некая благородная форма этакого снисхождения к «неполноценным». Вот только когда ты ростом четыре фута без нескольких дюймов, ты хорошо видишь всю лицемерность подобной толерантности.

Она словно исключает тебя из круга нормальных людей, превращая в существо, «требующее особого отношения», а значит, априори неполноценное. Да, на словах она призвана разрушить стену между людьми обычными и «не такими», но на деле она делает эту стену еще прочнее. Потому что приучает «нормальных» лицемерить, вызывая этим скрытое отторжение. И даже насмешки не так разделяют людей, как вынужденное лицемерие с обеих сторон. Когда над тобой подшучивают, как этот ирландский весельчак, даже когда откровенно насмеваются, это дает тебе шанс

быть со всеми на равных. Когда лицемерят, делают вид, что все в порядке, и при этом старательно отводят глаза — никакого шанса на равенство нет и быть не может.

— Просто наобум ткнул в точку на карте, — сказал я, доставая сигареты. — У вас в машине можно курить?

Он кивнул и нажал на прикуриватель.

— Вот так, просто ткнули и попали прямо в царство лепреконов... Есть на свете все-таки чудеса.

Я был совершенно не прочь узнать подробности о том месте, куда сейчас направлялся, а словоохотливость таксистов общеизвестна. Я закурил и доверительно сказал:

— Ну, скажем, почти так. А точнее, меня, по правде говоря, заинтриговало то, что Хоулленд — независимое государство, о существовании которого не знает даже Википедия. Собственно, вот и все. Ну, и еще, что его жителей называют лепреконами, словно они и впрямь древние волшебники маленького роста.

— Да, они такие... А в Британнике про Хоулленд тоже ничего не написано, — согласно кивнул таксист. — Ну, с Британником-то все понятно, не любят нас островитяне, и это, к счастью, взаимно. А вот почему в Вики ничего нет, не знаю. Даже странно.

Он притормозил у очередного светофора, остро глянул на меня и сказал:

— Так вы действительно совсем-совсем ничего не знаете про наших лепреконов?

Я отрицательно качнул головой.

— Тогда слушайте внимательно, эта история, клянусь святым Патриком, достойна того.

История действительно оказалась крайне занимательной. В апреле тысяча девятьсот семнадцатого года на крохотный полуостров Эль-Сид, выдающийся в Ирландское море к востоку от Дан-долка, прибыл цирк «Лепрекон». Это был бродячий цирк-шапито, чья труппа полностью состояла из карликов. Представителей каких только национальностей в ней не было... Ирландцы, шотландцы, англичане, валлийцы и даже залетные француженка и немец. Возможно, и даже наверняка, были и другие.

К этому времени цирк оказался в чрезвычайно затруднительном финансовом положении. Труппа была на грани развала, платить артистам было нечем, покупать и чинить имеющийся инвентарь не на что. Директор велел разбить выдавший виды шатер у неких древних развалин и предложил труппе самораспуститься. После бурных дебатов карлики-лепреконы решили держаться вместе в надежде на лучшие времена. В итоге оказалось, что это было правильное решение. Развалины постепенно привели в порядок и даже соорудили в них некое подобие арены. Вернее, использовали старую круглую площадку, находившуюся в центре развалин. Представления с горем пополам начались, в цирк потянулись зрители, и дела труппы несколько поправились. Вскоре вокруг цирка выросла небольшая деревенька, со временем ставшая городишком по имени Хоулленд — очевидно, потому, что дыра это была еще та.

Как-то раз директор цирка, выпивая в немедленно возникшем в городке пабе, очевидно, под влиянием значительного количества алкоголя написал со своим приятелем, судейским крючкомвором, и отослал в британский парламент петицию о выходе Хоулленда из состава Британской империи. Вряд ли бы в парламенте во-

обще обратили внимание на эту бумагу, если бы не подавленное незадолго до этого Пасхальное восстание. Говорят, что сам сэръ Уинстон Черчилль лоббировал «карликовую независимость». Но как бы там ни было, шестого ноября тысяча девятьсот семнадцатого года в историческом пабе «Пинта лепрекона» в Дандолке представителем Парламента Соединенного Королевства Дэвидом Ллойд-Джорджем и абсолютно обалдевшим от происходящего директором цирка «Лепрекон» Итэном Кэррингтоном был подписан договор, по которому Британия признавала Свободную Республику Хоулленд своим независимым доминионом.

На что рассчитывал Джон Буль, когда принимал подобное решение, достоверно неизвестно, во всяком случае, ирландцы шутку не оценили, скорее наоборот. Первым государством после Великобритании, официально установившим дипломатические отношения с Хоуллендом, был советский Лимерик. А вторым — Свободная Ирландская Республика. И вообще, ирландцы, народ суеверный, сочли сам факт существования Хоулленда добрым предзнаменованием и после обретения независимости старались не забывать о своих во всех отношениях маленьких соседях.

Население Хоулленда выросло в годы Второй мировой войны за счет бежавших с континента карликов. Гитлер, как известно, преследовал все и всех, что, по его мнению, имело признаки вырождения.

Город стал больше, но не стал богаче.

— В общем, лепреконы у нас бедные, — грустно сказал таксист. — Примерно три четверти населения Хоулленда — карлики. И хотя они гордо зовут себя лепреконами, но чудес делать не умеют. Страна живет только за счет полиграфкомбината, печатающего

марки и миниатюрные книжки. Но спрос на эту продукцию сейчас резко упал. Все эти компьютеры... И... как их? Гаджеты. Ведь электронные письма не требуют марок, а вместо бумажной книжки можно читать электронную, со смартфона. Кроме полиграфического комбината, в бюджет поступают деньги и туристического агентства, организующего экскурсии в Хоулленд с посещением все еще работающего цирка лепреконов. Цирк, кстати, у них неплохой. Советую...

Водитель притормозил перед светофором и продолжил, когда мы тронулись на зеленый сигнал:

— Многие уехали на Большую землю. Я вот и подумал грешным делом, что вы как раз из таких, — закончил свое повествование водитель, его звали Дэн, и уставился на меня, стоя в очередной пробке.

Я понял — пришел мой черед рассказывать свою историю. И тогда я решил не скрывать ничего.

Меня зовут Фокс Райан. Если вы хоть немного интересуетесь наукой, вы наверняка слышали обо мне. Два раза я номинировался на Нобелевскую премию, причем в двух разных номинациях, а третий раз — в составе группы исследователей. И уж точно вряд ли вы ничего не слышали о моем скандальном докладе в ЮНЕСКО, после которого мне и пришлось уехать куда глаза глядят.

Меня зовут Фокс Райан, и мне сорок девять лет. Я профессор физики, астрофизики и биохимии, член Лондонского Королевского общества, почетный профессор Кембриджа, лауреат медали Больцмана, королевских медалей по физике, химии и биологии, множества премий и прочая, и прочая. Первую профессуру я получил

в двадцать восемь лет. Какое-то время меня буквально носили на руках, а я упивался наукой, занимаясь астрофизикой, биохимией, исследованиями в области энергетики и гибридного материаловедения. Первые наноботы, искусственная кожа и технологии монокристаллов — все это плоды моего труда, которыми вы пользуетесь каждый день или будете пользоваться в близком будущем.

Меня зовут Фокс Райан, и когда я говорю, что мой рост составляет четыре фута, я лгу. На самом деле всего три фута и девять дюймов. Но еще девять месяцев назад я был совершенно не таким. Нет, гигантом я не был никогда, но до шести футов недотягивал всего каких-то полдюйма. Нынешний мой рост — следствие моего непомерного, можно сказать фанатичного научного интереса. Я был одним из наиболее активных участников WWF и активно сотрудничал с ее исследовательским отделом в изучении энергетической экологии и сохранения окружающей среды. Наша цивилизация в процессе своей жизнедеятельности излучает в атмосферу огромное количество энергии, и это непосредственно влияет на климат и природу в целом. Мои коллеги боролись за энергосбережение, меня же больше интересовало создание эффективного источника энергии с повышенным коэффициентом полезного действия. Причем повышать его я планировал именно за счет сокращения рассеивания при выработке и передаче энергии.

Могу сказать, что я почти создал такой источник. Для меня были открыты все двери, вплоть до лабораторий Вестингауза, Лос-Аламоса и Ливермора. Девять месяцев назад у меня в распоряжении был свой собственный ядерный реактор с КПД около семидесяти процентов — вдвое больше, чем у любого существующего, и в полтора раза выше, чем у российского «царь-токамака».

Все закончилось в одну роковую для меня ночь. Если бы дело происходило в фантастическом романе, той ночью непременно грохотала бы гроза и ветвистые ослепительные молнии рассекали бы небо. На самом деле был душный августовский вечер, а в природе царил полный штиль.

Слава богу, что я был в тот вечер в лаборатории один. Мой допуск позволял мне работать в любое время суток, а после захода солнца мне всегда работалось легче и продуктивнее. Я запустил первый цикл моего реактора, чтобы выработать энергию для защитного контура, который и был моим ноу-хау — реактор покрывала невидимая и почти неощутимая, но абсолютно, как мне казалось, непроницаемая «рубашка» из электромагнитного поля. «Рубашка» служила надежной ловушкой для излучений. Я как раз спустился в машинный зал, чтобы лично снять показания с ряда приборов, фиксирующих параметры внутри защитной оболочки.

Я был абсолютно уверен в прочности этой «рубашки» и ни о чем не беспокоился. Но, как известно, где тонко, там и рвется. Потом выяснилось, что дело было в бракованном ТВЭЛе, который внезапно выдал столько энергии, что перегрузил все щиты. Этот момент, наверно, я запомню на всю жизнь — нерукотворный трещащий салют со стороны предохранительного щитка, реакторная стенка, постепенно становящаяся от нагрева темно-вишневой, и паническая мысль, что это конец и хорошо, если только мне одному. А потом внезапно все вокруг стало как-то больше, как в сказке про Алису в Стране чудес, и я потерял сознание.

Когда я очнулся, сказка продолжилась, но уже в форме кошмара. Я лежал в больничной палате, а вокруг меня копошились огромные фигуры в костюмах биозащиты. Я ничего не мог понять.